

Неизвестно, сколько времени прошло, но Сун Хайлинь вдруг услышал тихие всхлипывания.

Он посмотрел вниз и увидел, что плечи Су Шэня слегка дрожат.

Он закрыл лицо руками и тихо плакал.

Слёзы текли сквозь пальцы, и в горле раздавались тихие всхлипывания, похожие на жалобный крик маленького животного.

Сун Хайлинь обошёл его спереди, присел и похлопал по спине.

Су Шэнь убрал руки с лица, наклонился вперед и упёрся лбом в плечо Сун Хайлина, начав громко рыдать. Его плач становился всё громче.

Его голос прерывался, иногда срываясь на всхлипы, словно он хотел выкричать всю свою боль.

Это было слишком мучительно.

Су Шэнь обнял Сун Хайлина за спину, словно ухватился за соломинку, и рыдал безудержно. Его прерывистое дыхание сопровождалось тихими всхлипываниями, пока голос не стал хриплым. Неровные, грубые рыдания то ускорялись, то замедлялись, заполняя воздух. Он не останавливался, и слёзы капали с его подбородка.

Сун Хайлинь мягко похлопывал его по спине.

Плач Су Шэня заставлял его сердце сжиматься.

Голос Су Шэня стих, он всхлипнул несколько раз, продолжая дрожать и тихо рыдать.

Сун Хайлинь левой рукой перехватил его за плечо, а правой начал медленно гладить по затылку.

Су Шэнь резко выдохнул, словно все силы покинули его, и он полностью обмяк на Сун Хайлине.

Он несколько раз шмыгнул носом.

После короткой паузы он вдруг сказал:

— Теперь я понимаю, почему Гудан так тебя любит.

Его голос был хриплым, с сильным носовым оттенком, и всё ещё звучал плач. Даже в такой шуточной фразе чувствовалась непроходящая боль.

Сун Хайлинь остановился, удивлённый.

Су Шэнь отодвинулся, снова подставив затылок под его руку. Его ресницы, смоченные невысохшими слезами, слегка дрожали.

— Это приятно.

Он слабо улыбнулся.

Река Чжимай раньше называлась Чжимайской канавой. Её вырыли больше десяти лет назад под руководством местных властей волости Циншуй. Она пока ещё не была полностью загрязнена, и, кроме плавающих на поверхности стеблей и травы, выглядела довольно приятно.

Зимой, когда она замерзала, она становилась ещё красивее.

Су Шэнь сидел на берегу реки, где тонкий лёд доходил до его ног и легко ломался под нажатием. Лицо обжигал холодный ветер, и он сорвал сухую траву, которая всё ещё сохраняла свою упругость. На ладони остался красный след.

Сун Хайлинь всё это время молчал.

Своими действиями он ясно давал понять, что ничего не видел и не слышал, и всё забудет после сегодняшнего дня.

Су Шэнь горько улыбнулся. Если бы кто-то начал спрашивать, он бы не знал, что сказать.

К счастью, это был Сун Хайлинь.

— Ты спрашивал, что означают мои предыдущие заметки? — Он повернул голову и посмотрел на Сун Хайлина, который сидел рядом, вытянув ноги.

Его голос всё ещё был слегка хриплым, с лёгким носовым оттенком, но почему-то звучал приятно, заставляя сердце Сун Хайлина дрогнуть.

— Ага, — ответил Сун Хайлинь.

Су Шэнь усмехнулся:

— Глупости.

Его интонация была ровной, без акцента на словах.

— Это значит, что не нужно было выделять это отдельной строкой, — он запрокинул голову, уперев пальцы в подбородок. — Просто раздражает.

— Раздражает? — спросил Сун Хайлинь.

Су Шэнь усмехнулся:

— Когда я писал эту заметку, я был моложе. Тогда я был... ну, более радикальным.

— Тебе сейчас сколько лет? Ты всё ещё молод.

— Радикальным.

— Скорее, радикальным ребёнком, — сказал Сун Хайлинь.

— Ты вообще слушаешь или нет?

Сун Хайлинь тут же сделал вид, что застёгивает молнию на губах.

Су Шэнь продолжил:

— Представь, есть ли книга, которая в самом начале пишет: «Страсть к женщинам — это естественно для человека»? Почему, когда дело доходит до мужчин, это нужно специально подчёркивать? Хотя автор говорил, что это естественно, он всё же выделил это как что-то ненормальное. Это раздражает.

Сун Хайлинь сменил позу, опираясь на ноги.

— Но сейчас я так не думаю. В детстве я был слишком категоричен, — сказал Су Шэнь. — Теперь мне всё равно. Мнение других меня не касается.

Сун Хайлинь обдумал его слова, затем неуверенно спросил:

— А ты... ты...

Как спросить? Прямо? Или намекнуть? Как намекнуть?

Пока он подбирал слова, Су Шэнь вдруг сказал:

— Да.

Сун Хайлинь резко повернул голову.

Су Шэнь улыбнулся, с лёгкой ноткой сожаления на лице:

— Я такой.

— Я... — напряжение в голосе Сун Хайлина исчезло. — Я догадывался.

— А ты? — Су Шэнь спросил так естественно, словно сказал: «Я сегодня ел свиную рульку, а ты?»

Сун Хайлинь промолчал. Су Шэнь повернулся и смотрел на него. В темноте можно было разглядеть лишь смутный силуэт. Через некоторое время этот силуэт качнулся.

— Когда я впервые осознал это, я был против. Честно говоря, я всегда был против, — сказал Сун Хайлинь. — Но ничего не могу поделать.

Он провёл руками по лицу.

— А ты...

Он не закончил фразу, сразу же прервав себя. Мысленно он дал себе пощёчину. Зачем он это сказал? Видимо, привычка болтать без умолку дала о себе знать в самый неподходящий момент. Надо быть осторожнее.

Сун Хайлинь удивился.

Су Шэнь подавил сухой кашель:

— Ну, я... не был против.

— Ты обычно так гладко говоришь, разве не ты мастер словесных баталий? Почему запинаешься? — спросил Сун Хайлинь.

— Что, я собирался рассказать тебе жизненную мудрость, а ты прерываешь!

— Ладно, ладно, я жду твоей мудрости.

— Я уже говорил, что всегда был уверен в себе. Я — образец, я нормальный, а те, кто не такие, как я, — ненормальные, — сказал Су Шэнь. — В конце концов, кто определяет, что нормально? Это каждый сам для себя. Так что какая разница, что думают другие? Существование — это уже норма.

— Немного пересолено, — сказал Сун Хайлинь.

— Что?

— Твой суп. Пересолен, — Сун Хайлинь поднял бровь.

Су Шэнь вдруг почувствовал, что его словесные баталии наткнулись на серьёзное препятствие.

— Но вкусно, — Сун Хайлинь вдруг наклонился к Су Шэню, и тот вздрогнул, собираясь что-то сказать, но Сун Хайлинь опередил его:

— Ведь я тебя люблю.

— Что? — Су Шэнь незаметно отодвинулся.

— Брат, — Сун Хайлинь смотрел на него. — То, что я сказал раньше, было немного спонтанно. Теперь я скажу это серьёзно, чётко и ясно: я тебя люблю.

— Ага, — Су Шэнь ответил, словно робот.

В голове загудело.

Вот так праздник.

Он подумал.

Честно говоря, до кануна Нового года он не испытывал к Сун Хайлину никаких особых чувств.

Да, Сун Хайлин был человеком, с которым ему было приятно проводить время, но это одно, а романтические чувства — совсем другое. Не потому, что Сун Хайлин был непривлекательным.

Просто в представлении Су Шэня они были из разных миров.

Как будто разные виды, которые изначально не могут испытывать друг к другу влечения. Как Тянь Чжэ, который любил проводить время с Гуданом, но никогда не испытывал к нему ничего большего.

Казалось, они сидят рядом на берегу реки, но на самом деле между ними была непреодолимая пропасть.

Сун Хайлин был человеком, который стремился к далёким горизонтам, не оглядываясь.

А он был тем, кто навсегда заперт в узких рамках.

Их пути не пересекались, и не было смысла искажать свой путь, чтобы быть ближе.

Даже если испытываешь симпатию, она может остаться лишь чуть более близкой дружбой.

Раньше он так и думал.

Но за эти праздничные дни что-то изменилось. Он не мог понять, как его логика перестроилась, но в его сердце появился маленький огонёк.

Когда он это понял, он знал, что всё кончено.

<http://bllate.org/book/15285/1350545>